Александра Николаенко
Небесный почтальон Федя Булкин
маленький роман
Лауреат премии «Русский Букер»

Классное чтение

Александра Николаенко

Небесный почтальон Федя Булкин

«Издательство АСТ»
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Николаенко А. В.

Небесный почтальон Федя Булкин / А. В. Николаенко — «Издательство АСТ», 2019 — (Классное чтение)

ISBN 978-5-17-108836-1

Александра Николаенко – художник, писатель. Окончила Строгановский университет, стала одним из самых молодых членов Московского союза художников, иллюстрировала детские и взрослые книги. В 2017 году стала лауреатом премии «Русский Букер» за дебютный роман «Убить Бобрыкина».Федя Булкин живет с бабушкой, а родители его в командировке – строят Град Небесный. Главная Федина мечта – добраться туда, к ним. Для этого он учит таблицу умножения, пишет письма Деду Морозу и Ленину, спорит с Богом и, конечно, взрослеет, не забывая откладывать деньги в кошку-копилку на билет до Града. Повидаться.Роман «Небесный почтальон Федя Булкин» про нескончаемое лето с пахучей земляникой и бесконечную зиму в ожидании Нового года, про родителей, которых уже нет, и про бабушку, которая всегда рядом, хоть и «уже не новая», про такие смелые и честные детские мысли о справедливости и смерти. И про то, что все всегда будут вместе, как в Фединой записке «Богу о нас».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-108836-1

© Николаенко А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть первая 6
Из тетради Фединой: о небесных геологах 8
Из тетради Фединой: про Пуню, кошку любимую 14
Из тетради Фединой: о Богморозе 18
Из тетради Фединой: чтобы бабушка никуда не уехала 24
Из тетради Фединой: о выборе 27
Из тетради Фединой: что не умирают люди 28
Из тетради Фединой: о преступлении и наказании 30
Из тетради Фединой: о делах на совести каждого и возмездии справедливом 33
Из тетради Фединой: о Божьих советчиках 35
Из тетради Фединой: о мира создании 38
Из тетради Фединой: о хвостиках. Бедной дорогой 41
Из тетради Фединой: что я лучше под зонтиком пока похожу 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Александра Вадимовна Николаенко
Небесный почтальон Федя Булкин
Маленький роман

Слышу Федин голос живой.
Слышу бабушкин.
Слышу папин.
Не знала, что, когда начну
редактировать эту повесть,
она вернет мне свет,
радость и надежду.
Папе от Саши

Часть первая

– Помнишь, бабушка, когда я маленьким был…
– Это когда же такое было, Феденька?
Ничего не помнит бабушка. Память у нее девичья.
– Вчера, бабушка!
– А…

– Бабушка…
– Что, Федя?
– Расстроишься ты, если я умру?
– Очень расстроюсь, Феденька.
Так и думал я.
– Бабушка!
– Что, Феденька?
– Нужно тогда, чтобы ты первая умерла, а я за тобой…
– Ладно, Феденька.
– Только не завтра умирай ты, бабушка.
– Хорошо…
– …И не послезавтра умирай, бабушка!
– Хорошо, Феденька…
– …И послепослезавтра тоже не умирай…
– А когда же умирать мне, Феденька?
– Когда я скажу.

Так и договорились мы с бабушкой, что умрет она до меня, но только с моего разрешения.

Из тетради Фединой: о небесных геологах

Поехали мама с папой мои строить Город Небесный, сказала бабушка. Командировка, ясное дело.

Мама с папой мои геологи. Без геологов в строительстве никуда. Осваивает советский народ новые территории, а какие! Если делаем мы с бабушкой в сердце Родины нашей – Москве – утреннюю гимнастику, в Петропавловске на Камчатке – полночь!

В прошлый раз папа с мамой БАМ ездили строить, прокладывать магистраль Байкальско-Амурскую, долго строили, до-олго… вернулись, а я уже вот посюда! Даже и не узнали меня; мама ахнула, а папа сказал: «Ну, брат, не узнать тебя! Как подменили…»

Очень испугался я: вдруг и вправду бабушка, пока их не было, меня подменила?

Тогда вернулись они, я еще вот посюда был, а теперь вернутся они, я уже вот посюда…

Глобус кручу. Хочу найти Город этот Небесный. Только очень мелко на глобусе города пишутся, прямо блохи. А читать я уже научился. Вернутся папа с мамой мои, так и ахнут! Да, бабушка?

– Что, Феденька?

– Это так я, бабушка, ничего.

«Нельзя хвастаться, Федя, делами хорошими… – угрожает бабушка. – Скажешь вслух, и оно у Бога за хорошее уже не считается». А зачем совершать хорошее, если о нем ни гу-гу?! Плохие дела нужно тайно делать, считаю! Разбил чашку, замети потихоньку в совочек, если бабушка, как бабахнулось, сослепу не услышала, выкини по-хорошему, быстренько, чтобы ее не расстраивать. Потому что расстраивать бабушку тоже плохо. Папа так и сказал, когда уезжали: «Веди себя хорошо. Не расстраивай бабушку! Ты один, пока меня нет, за мужчину…»

За мужчин за всех я один, понимаете? А бабушка хоть и старая, а все равно тоже женщина, из-за чашки разбитой знаете как расстроится! Да же, бабушка?

– А?

– Вот если бы, например, я, бабушка, разбил бы чашку какую-то, ты бы расстроилась?

– Господи помилуй! Какую?!

– Я к примеру сказал это, бабушка…

Сами видите…

Так что о хорошем нужно рассказывать, иначе никогда не заметит бабушка, что я посуду помыл, у ней память девичья, так и будет думать до смерти самой, что это она сама ее вымыла… а плохое в совочек. Вот и выйдет одновременно два дела: хорошее и плохое, и оба за компанию не рассказывать, потому что плохое дело, что чашку разбил, потянуло с собой хорошее, что бабушка не расстроилась. У нее этих чашек, знаете? Войско! Целая чайгоняльная армия. Бей и бей потихонечку, партизаном…

– Бабушка!

– Что, Феденька?

– А давай я, бабушка, тебе мусор выкину?

– Выкини, пожалуйста, Феденька…

Вот и третье дело хорошее! Где одно хорошее – там другое! Как грибы в лесу. Как троллейбусы шестьдесят первые. Где один троллейбус шестьдесят первый пришел, там и следующий, вереницей.

– Потеряться, наверно, боятся, бабушка…

– Кто?

– Троллейбусы!

– Юморист…

Ко всему относиться нужно с юмором, бабушка!

Мамочки мои… страсть господняя… таракан!!!

Четыре вышло уже дела моих в хорошие! Я для Бога (хотя и нет его, это точно!) все же за жизнь составил бы список (на всякий случай, вдруг есть?) в два столбика:

ДЕЛА ХОРОШИЕ – ПЛОХИЕ ДЕЛА

«У Бога нас много», – сказала бабушка. Занятой человек! А я и сам уже писать научился…

ДЕЛА ХОРОШИЕ:

1 – что бабушка из-за чашки, что брякнулась, не расстроилась.

2 – что мусор я выкинул.

3 – что не сказал, что выкинул мусор, бабушке (потому что я сперва предложил его выкинуть, а потом уже выкинул, чтоб не думала опять она, что сама).

4 – и еще, чтоб, выкидывая сама, не заметила черепки!

Четыре уже хороших дела! Говорю же, добрые дела, как троллейбусы, чередой!

Где же все-таки Город этот Небесный на глобусе?..

ЕВРАЗИЯ, АЗИЯ, АФРИКА… наверное, большой должен быть, чтобы все, кто строить его поехали, уместились?

Голубым, наверное, тут раскрашен. И тут и тут голубым… Кручу, кручу… В какую сторону папа с мамой живут, если по всему глобусу лужи, лужи?.. Где тут папа с мамой мои?!

– Все, что на глобусе, Федь, Бог на земле рисовал. Моря, острова… Вот тут мы с тобой живем, Москва написано, видишь? Вот тут в городе Тольятти наши: тетя Оля, Григорий Михайлович, Женечка… Здесь вот мы с тобой были, море Черное, помнишь? Город Анапа. А Град Небесный на небе, не на земле.

– На самолете лететь?

– Самолеты, Федь, ниже летают.

Не зря я космонавтом, как Юрий Гагарин, стать собираюсь. Вон как, оказывается, высоко Град строят, если и самолетов выше…

– На ракете?

– На ракете, вырастешь и на Луну полетишь. А Город Небесный еще и Луны повыше.

Очень уж высоко! Но не очень. Зря уверена бабушка, что без Божьей помощи не добраться.

– Без Божьей помощи, Федь, и каши не сваришь.

– Да зачем она вообще людям, бабушка, твоя каша?!

До каких высот добрались строители! Землю застроили, небо перешагнули, космос теперь осваивают! Папе с мамой, конечно, некогда там, дело важное у них, понимаю…

Но как стану космонавтом, долечу до Луны, там осмотримся, и так скажу своим космонавтным товарищам: а теперь летим в Город Небесный, товарищи! К папе с мамой!

– На какой планете, ты думаешь, бабушка, папа с мамой строят сейчас? На Юпитере или на Марсе?

– …А карту, как в Град Небесный лететь, на небе, Федя, Господь нам звездочками означил. Млечный Путь называется. Звездный град. От Большой Медведихи это направо…

Вот как! План начертил, слава богу, Бог для тех, кто к папе с мамой лететь захочет. Значит – увидимся. А то уж очень скучаю…

Так иногда скучаю, что сквозь слезы в глазах сердце щиплется.

– В скафандре нужно лететь, да, бабушка? Без скафандра в космосе в смерть удохнешься, пока долетишь.

– Душе, Федя, скафандэры зачем? Покинет душа тело и без всякого скафандэра в миг один жива долетит, если хорошо себя вести будешь…

– Просыпайся, Федя, в садик пора.

– Не пойду сегодня в садик я, бабушка.

– Это что еще за новости, Федя?

– У меня душа далеко…

– Это где ж она, Феденька?

– В Петропавловске, бабушка. На Камчатке.

* * *

И все-таки уж очень соскучился я! Даже фотография не всегда помогает. Ясно, конечно, по фотографии этой, что хорошо папе с мамой в Граде Небесном живется-строится. Вон они как друг с дружкой стоят, обнявшись, в стекло улыбаются. Только кому-то там без меня, может быть, хорошо, а мне каково?

– Бабушка!

– Что, Федя?

– Ты бы что за то, чтобы папа с мамой мои вернулись к нам, отдала?

– Все отдала бы, Федя.

– И меня?!

– Тебя никому не отдала бы я, что ты, Феденька…

Я бы тоже, прежде чем отдать тебя, бабушка, передумал…

– Бабушка?!

– А, что, Федь?

– Есть в Граде Небесном граница?

– Есть. Горизонт называется.

Это там, где небо с морем полосой сходятся. Воображаемая линия, папа мне объяснял, потому что нигде на самом деле не сходятся море с небом. Никакая не воображаемая она. Недостижимая.

Плыли мы с бабушкой раз по морю Черному на трамвае прогулочном…

– Почему без рельсов трамвай этот, бабушка? Как он плавает?

– Он по компасу.

Компас знаю, мне папа показывал, он всегда в одну сторону тыкает. Доплывем!

Только как ни плывет трамвай, все дальше и дальше Бога граница, горизонтальная линия. Вроде и прочерчена лучом по воде, а даже облака вдоль летают.

За границу эту солнце садится, из-за границы с обратной стороны встает.

Заграничное солнце-то… То на той стороне, то на этой…

– Как ты думаешь, бабушка, противно солнцу смотреть после нас на капиталистов с буржуями?

– Солнце, Федя, смотрит, чтобы всем тепло, всем светло, чтобы день настал, чтобы ночь пришла, чтоб зима на лето сменилась…

– А я думаю, бабушка, что противно!

Соленая из глаз вода, когда зареву. Соленая в море.

А море огромное, полосой, где солнце садится, напополам с небом делится.

– Почему, бабушка, в море вода соленая? Селедок солить, или столько люди наплакали?

– Селедок солить…

– А если лосось в томате?

– А это, Федя, в другом море лососей солят.

– Томатное, значит, море есть… Пряного посола…

Ожидал я увидеть море черное, как написано. А оно синее. Синее и соленое.

Пить нельзя. Селедки зато с кильками сами в нем солятся. Ловят потом рыбаки селедок с кильками в сети готовыми, в магазины везут. Ловко устроено. Только лежишь-лежишь, загораешь, и пить так захочется! Денег тратить на лимонад приходится. Жалко было в море, что ли, Богу лимонаду налить?

Лимонадное море…

Есть озеро такое, Байкал. Из озера этого, значит, газированный напиток «Байкал» наливают. Невкусный. Сок березовый – из березы в большие пыльные банки. А в Белом море молоко, наверное… Или снег?

Молочное море… Снежное…

Только с Черным морем ошибся Бог. В нем чернила должны быть или нефть, какую папа мой везде ищет, а он в нем селедок солит?

Очень странно это все, как в книге Чуковского, где баранками море синее тушат. Море нужно водой тушить, тем более что в море ее полно, а от баранок их только хуже будет.

– А есть Синее море, бабушка?

– Есть Красное.

В честь победы социалистической революции, думаю, названо. Тоже красный и флаг нашей Родины. Цвета крови, за справедливость пролитой, флаг! С серпом золотым и молотом.

Только все равно очень странно мне, море Черное – цвета синего, море Белое – тем же синим на глобусе. Вот как будто не взрослый, а маленький все раскрасил…

По всей земле тянется горизонт, как пояс по бабушке.

– Переходили люди, бабушка, горизонт? Или там пограничники? Овчарки с собаками? Есть у горизонта нейтральная полоса?

Хорошее дело – нейтральная полоса! Про нее Владимир Высоцкий, мамин любимый (кроме папы) поэт, поет.

Вот наступит когда война атомная (конец света – по бабушке), нам бы с ней на эту полосу нейтральную перебраться…

– Бабушка?!

– А?

– А на глобусе где граница Горизонт, покажи?

– Нет такой границы на глобусе…

– А на политической карте?

Вот потому что не прочертил Бог на карте политической своей границы, ее люди многие пересекают случайно. Не шпионы и не вражеские разведчики. А нечаянно…

А в Город Небесный, думаю, документ нужен, личность удостоверяющий, что она умерла.

О смерти свидетельство. У папы с мамой есть такие свидетельства. В тумбочке пожарной у бабушки лежат они.

– Бабушка!

– Что, Федя?

– А почему мама с папой в Город Небесный свои не взяли свидетельства?

– Какие свидетельства?

– Из тумбочки пожарной, что умерли. Что? Забыли?!

Если забыли папа с мамой свои свидетельства, их тогда Город Небесный строить не пустят! Вернутся, значит, они… Скорей бы уснула бабушка! Перепрятать нужно свидетельства эти мне. А еще лучше – в клочья…

Можно попросить еще (когда в следующий раз поправлюсь я) нашу доктора поликлиники Валентину Андреевну, чтобы выписала мне справку не что болел я и выздоровел, а что болел да и умер. Первым делом со справкой такой, я думаю, можно больше никогда в детский сад не ходить, а главным делом в Город Небесный со справкой есть надежда пробраться.

А еще надежней, конечно, на самом деле умереть ненадолго мне. На недельку примерно. Хотя… если в Город Небесный, умерев на немножко, попаду уже я, мне сюда и возвращаться-то, наверное, больше уже не захочется…

Значит, нужно, перед тем как умру, признаться бабушке, что я это, а не Пуня вазу разбил. Иначе душа прилетит к вратам Града, ей скажут: «Чья ты душа?» Я, она скажет, душа Феди Булкина. «А, вот ты чья! – скажут тогда ей люди на пропуске. – Ну, раз уж ты душа Федина, если Феди Булкина ты, так лети назад, в тот день, когда вазу разбила. А то из-за тебя Пуне тогда досталось».

И переживай потом заново…

– Бабушка? А вот если бы тебе, как умрешь, предложили бы пожить заново, согласилась бы ты?

– Может быть, и согласилась бы, Федь. Отчего не пожить? Пожила б…

– А вот я бы, бабушка, НИ ЗА ЧТО!

И на всякий случай коплю еще в кошке-копилке глиняной денег на билет в Град Небесный. Может, будет оказия, как в Кремль, когда мы с папой ходили, – в Город Небесный экскурсия? Повидаться…

– На что копишь, Федя?

– На экскурсию.

– Куда же это экскурсию?

– В Град Небесный.

– Это не так копишь…

– А как?

– Делами добрыми.

Ладно. Я тогда посуду помою…

* * *

Небесные Геологи, значит, теперь папа с мамой мои. Космические. Звучит!

Полетел первый человек Земли, герой Юрий Гагарин, в космос, а за ним папа с мамой мои – небо осваивать, проводить небесные магистрали…

НЕБО СТРАНЫ СОВЕТОВ! Звучит!

КОСМОС СТРАНЫ СОВЕТОВ! Звучит!

Хорошо еще, что первые мы додумались космос застраивать, а не Америка. У них и так Колумб открыл две Америки: Северную и Южную. Хватит с них.

Посмотрел я в небо космическое – и правда огромное… ни конца ни края не видно. Только как на нем строят папа с мамой мои, без фундамента? Ведь не может город быть без фундамента? Все же рухнет?

– Бабушка…

– Что, Федь?

– Как ты думаешь, выдержит крыша у нас, если космос рухнет?

– Не рухнет, Федь, космос.
– А на чем он держится?
– А на чем и все, Федя, держится…
– На соплях?!?

Из тетради Фединой: про Пуню, кошку любимую

Ну и рассмешила же нас Пуня с бабушкой! Ну рассмешила! До сих пор как вспомню, так зареву…

Пуня-Пуня! Батарея пушистого отопления, шарик в валенках на завалинках, зверь-ушанка…

– Ты куда ее, Федь, несчастную, опять потащил, затерзал?

– Уж люблю ее, бабушка, уж люблю! Мочи нет на минуточку расставаться…

– Помнишь, бабушка, как Пуня нас тогда с тобой рассмешила?

– Как не помнить, Федь, помню, конечно…

– Как на зеркало она, помнишь, бабушка? Спинку выгнула и бочком, бочком! А оттуда – тоже, да, бабушка? На нее! И дыжж по стеклу! И ууууууууууу!!!

А когда она, помнишь, бабушка? Тут вот разляжется, и обходи как хочешь ее, да? Перешагивай королевну!

Это вот ее, бабушка, тут коготя. Весь диван на память тебе растерзала! Помнишь, как ты зовешь ее: «Пуня, Пунечка! Кушать подано! Кысс-кыс-кыс…»

А она придет, как одолжение нам с тобой огромное сделает. Та-ак понюхает, вся поморщится, аж продрогнет, лапкой бульк, бульк, что глаза бы даже наши с тобой на нее смотрели! А ты ей, бабушка: «Кушай, Пунечка, рыбка свежая…»

А она тебе, бабушка, «фис-дефис» по-французски… «Жо не манж… по-си-жу…»

Сядет тут и хвостом себя обнимет вот так вот, как изваяние. А ты ей: «Ну и иди отсюда тогда, бессовестная! Нечего тут выпендриваться, нос воротить. Тоже мне, мадам Бовари нашлась! Леди Макбет Костромского уезда…»

И накроешь крышкой тарелку!

– И накрою, да, Феденька… Ведь сами минтай-то ели.

– И сейчас бы я поел того твоего минтайчика, бабушка! Как ты делала: с лучком и подсолнечным маслицем и по картошечке в мундире…

– Макароны сегодня, Федь, по-флотски на ужин.

– Может, бабушка, шпроты откроешь все-таки, раз уж вспомнились?

– Шпроты, Федь, не открою, и не выдумывай!

– Ничего я не выдумал, сама знаешь ты, так и было…

Ты вот все на черный день и на праздники экономлишь, а ни праздников, бабушка, ни черного дня…

А вообще-то макароны по-флотски я, как папа, больше всяких ед уважаю. Только ты их, бабушка, сейчас слезами пересолишь.

Так макароны по-флотски, говоришь, у нас? Ну, клади макароны свои, включай телевизор, я Царь-Зайца «Спокойной ночи» смотреть принесу. Он один у нас с тобой, бабушка, неизменный…

Только ты не пой, пожалуйста, больше вслух эту песню свою противную про лучину, что ты с ней догоришь. У меня от твоих угроз даже бублик в горло не лезет…

* * *

Холодно. Мороз страшущий, шарф шкоробущий, озледенел! Цапается!

Скажешь «бабушка», а оно облачками: «ба» – О, «буш» – О, даже «ка», и та – О! Как баранками говорю! О-о-о… что ни скажешь.

– Как курю я, да, бабушка?

– Рот закрой, ради бога, курильщик, простудишься!

Вон как много баранок из бабушки полетело. Только ради Бога молчать я не буду!

– О-о-о-о… о-о-о…

Цветы прозрачные ледяные на окне распустились, изовсюду растут… Розы, тюльпаны снежные, кружевные ветки морозные. Чистого стекла семицветного, как сквозь драгоценность смотрю, мир сказочный блещет, вспыхивает, искрится. Только в глазах от этого блеска щиплет, и пальцам холодно.

– Нечеловеческая рука рисовала, Федь, человек такую красоту разве повторить сможет…

– Почему не сможет, бабушка, человек? Плохо ты о нем думаешь! А бокалы наши в стенке чем хуже? И узоры еще красивее, и ножка как у сосульки, и лимонад налить можно, и шампанское мамино, и не растают…

– Не растают, Федя, так разобьются.

– Ничего не разобьются, бабушка, не хрустальные!

– Хрустальные, Федь, не трогай их бога ра…

– Да ведь я не знал же, что они…

И вяжет бабушка скатерку белую, почти как в окошке. Только бабушкиной скатеркой укрыться можно, а этой вот снеговой, ледяной, что в окне, не укроешься. И дышу на эти цветы неживые, холодные, иненные, из всей силы дышу…

– О-о-о…

У Бога кружева изо льда, а у меня в них – окошки!

* * *

Будет лето, поедем на дачу с бабушкой.

Где на чердаке у нас гнезда осиные, малинные веники, «ПРАВДЫ» стопками, «ЮНОСТИ», «ОГОНЬКИ», много разного, что с собой на тот свет мы с бабушкой не возьмем уж точно, а на этом может очень даже нам еще пригодиться, видел я – лампа старая есть керосинная. Я еще когда хотел проверить ее на действительность: может, думаю, может, та? Я не верю в сказки, конечно же, но проверить необходимо…

– Ты зачем, Федя, лампочку выкрутил?

– Лета разве дождешься, бабушка? И подумал…

Может, сработает вместо сказочной, Аладдиновой, настоящая лампочка Ильича?..

– Смотри, бабушка, какой интересный приличный дедушка! Давай подойдем поближе к нему, познакомимся…

– Ты что это, Федя, сватаешь, что ли, меня?

– Что ты, бабушка! Разве я отдам тебя, такую молоденькую, за такого дряхлого и противного?! Просто он пока в тебя влюбится, я из бороды его потихонечку хоть один волосочек выдерну, незаметно… на всякий случай…

Вот придет весна, расцветет сирень. Сколько лепестков нужно, бабушка, чтоб сработало?

– Что сработало?

«Что сработало, что сработало…» Чтоб сработало!

Не хватает очень в жизни добрых чудес.

Так придумали люди, что будет все хорошо. Чтобы было им во что верить.

Сколько Богу этому я желаний загадывал! Все ресницы себе повыдергивал, чтоб никто не умерли. Или если умерли – чтоб воскресли. Думаете, исполнил он хоть одно? Где там!

Все хорошее у меня он себе, сколько помню его, забирает.

Была у меня кошка Пуня. Хорошая была кошка, пушистая, бурого цвета масть, полосами вот тут, на сидении, на задних лапках салфеточки, на лбу буквой МЕ. Придешь из садика, а она сидит матрешкой на подзеркальнике и встречает. Спрыгнет, об ноги трется, курлычет моторчиком. Рада, что я пришел!

Всегда, думал я, кошка эта у меня будет. Куда там! Собак напустил на Пуню на даче Бог, и в клочки мою Пуню *разрвали.* Под крыжовником кинули, где сарай у нас, шкуркой мертвой. Только на губках, вот тут, в уголке, красная капелька, и брюшко прокушено. Кишок вывало́к. И как псы ее только догнали? Зазевалась, видно, она…

Тоже так и со мной бывало: сидит Пуня, мечтается, а я крадусь тихо-тихо, подкрадусь и: «ГАВ!» – она так до потолка и подпрыгнет… Смеху было!!!

Бог ловчей меня, вижу, вышел.

И зачем ему моя Пуня? Мало у него бездомных кошек по земле бегает?

И мух еще в кусты напустил. До сих пор снится мне тот крыжовин куст: ягоды зеленые, изумрудные, варить рано… А куст черной тучей мушьей жужжит. В голове жужжит, как проснусь.

Взял я Пуню, принес на крылечко.

«Бабушка! – говорю. Это еще надеялся, значит, что, как когда Царь-Зайца моего плюшевого собаки подрали, и Пуню заштопать-воскресить она сможет. – За-а-аш-то… па-й… ты…»

«Во-о-о!..» – она так и охнула.

Могилку на канале с ней вырыли, завернули Пуньку в красивую тряпочку, самую красивую выбрали, я вот тут, где меточка МЕ, у нее пальцем шерстку трогаю… Может, она и оживет еще как-нибудь? – думал.

Камень над ней поставили, такой хороший нашли! Бог послал, бабушка говорит. Вместо Пуни камень…

А камень тот и правда на Пуньку нашу похож, как вот спит она на лужайке в травке, калачом свернулась. Флоксами вокруг положили, а я всё, как ее собаки перед смертью терзали, представлю и не могу… против этого не могу, и все! Как хотите…

Реву. А бабушка говорит: «Не плачь, Феденька. Все под Господом ходим». Нашла чем утешить!..

Посмотрел в небеса я эти, где там у него голубое да синее. Облачками прикрылся…

У него там синее… Пуня у него, папа, мама мои у него, а нам как здесь жить без всех, без всего?

«На все Его воля, Федюшка, плачь не плачь. Всякому в небесах-то лучше, чем нам-то здесь…»

НА ВСЕ ЕГО ВОЛЯ?! А моя-то тогда зачем? Мне зачем такая воля без воли? Почему это у него там все хорошо, а нам тут такое? Это еще зачем он так нам устроил?!

И что не случись – молоко выкипит, воду отключат, так бабушка говорит: на все воля божья. До всего ему дело есть! Всюду-то нос сует!

Дал маму – забрал. Дал папу – забрал. Дал-Забрал какой-то, а не Бог получается. Вот что я думаю.

– Трудно человеку с Богом ужиться, Федь, довериться. За слезами, просьбами ответ его не расслышишь. Очень уж у людских треб глаза велики, больше Бога обиды. А Он всегда отвечает, Федь, только тихо. В тишине его слушать, а люди как? Заберет свое, а как их отнимет. Вот они кулаки кусать, на месте топтать, выть-завывать, вверх грозить: мое! Мое! А нет, Федя, ничего «мое», так и знай, все Его. Все Всевышнего…

Все его?!

– Ну а хоть машинка моя?

Хоть машинка эта вроде моя, сказала бабушка, а лучше все же в карман, я думаю, или еще надежнее – под подушку…

Бывает, затаюсь в уголочке и спрошу его по-хорошему: ПОЧЕМУ???

Не дышу даже – услышать бы, что ответит он мне за Пуню мою! За папу, маму мою! Чем оправдается?!

А в ответ: тик-так да тик-так… громче, громче тикает…

– Но ты, Федя, знай одно: трудно с Богом человеку, а без Него стократ хуже выйдет. На себя одного положись тогда, человек, и в яму земляную один-одинешенек навсегда ляг, без надежды…

На себя одного бы и положился я! Да как? Если он во все мое лезет?

Вот пошла вчера за пенсией бабушка. Долго не было ее, думал я: сейчас накупит всякого вкусного. А пришла и плачет, и пальто не сняла: кошелек, говорит, Федя, вытащили, пенсия вся. Ну и я заплакал.

Поплакали мы, и тут опять вспомнила бабушка свое утешение.

– Ладно, – говорит, – Фитилек, не горюй, проживем как-нибудь, на все воля Божья, кому-то, значит, пенсия наша и нас нужнее…

«Макароны сварю», – объяснила. На все беды у нас один рецепт с бабушкой: макароны, лапша да рожки.

Так же вот, как и с папой и мамой вышло. Как узнали мы, что он от нас их забрал, так тоже плакали, так мы плакали! Как и с кошельком, как и с Пуней… А потом тоже бабушка сказала: Богу, значит, нужнее, чем нам… Бог забрал.

Опять, опять, думаю, он! Бог забрал!

Лучше бы его вовсе не было!

Самое лучшее себе забирает!

Вон и кошелек у бабушки утащил…

Из тетради Фединой: о Богморозе

Новый год уже скоро!

Белым-бело…

Стекла потрескивают, батареи гудят. Холодно уж очень. Солнце в лужах замерзло. Пятнышками все рассыпается, рябчит, до слез светло, ветки, как в вате сахарной, рябины, как клюквы в пудре, воздух – сосульки пить.

И как только в небе таком стеклянном птички летают?

Морозом свистит через щелочку форточкой, часы тукают, бабушка клеенку кухонную скатертью белой сменила к празднику. Елочка, на ней шарики. В шариках лампочки отражаются, включишь фонарики, они мигают, мигают… и так хорошо становится… очень!

День коротает, и скоро уже темнеет в окне, двор как будто одеялом синим накрыт, светятся за занавесками разноцветные гирлянды, фонарики… Синие, зеленые, желтые, красные лампочки. Высыпает бабушка воробушкам пшена за окошко, маме с папой привет чтобы в Град Небесный передали они. Бедные прыгают по подносу жестяному голые птички. Долетят ли по такой холодище?

– Долетят, Федь, не бойся. Им Бог из перышек теплые шубки сшил.

– Богмороз?

– Бог Мороз.

– А летом им в шубках жарко?

– А летом Он им из легких перышков шубки сменит.

– Зря все-таки, бабушка, у человека в процессе революции шерсть повылазила.

– Эволюции, может, Федь?

– Ну эволюции… Хвост-то – бог с ним, конечность лишняя, на дерево влезть головы, рук с ногами и веток хватит. А вот шерсть зимой человеку бы пригодилась по многим соображениям. И шарфом чтоб ты меня, бабушка, не душила, и в валенки не влезать, и от детского сада домой дойти, и с горки скатиться, и подушку набить, и шубу новую не покупать, полинял, да и точка! Да?

– Вот и свитер, Федь, смотри, твой полинял, да и точка…

И несет бабушка в мою комнату конверты с красивыми открытками. Родственников поздравлять из Тальятия и города Красноярска с Новым годом.

Богморозу тоже написать нужно, думаю, поздравительную открытку.

– Напиши ему, бабушка, я тебе продиктую…

Здравствуй, дорогой Бог Мороз!

Поздравляю тебя с Новым, 1983 годом!

Желаю тебе счастья, здоровья, любви, удачи и Мирного Неба над головой!

Скажи, пожалуйста, папе с мамой моим, что мы по ним очень скучаем с бабушкой, и, если можешь, забери нас к ним поскорее в свой Небесный Город или их к нам в гости хоть на праздники отпусти.

Еще подари, пожалуйста, мне машину милицейскую с дверьми открывающимися и с мигалкой.

Всего хорошего и тебе!

Булкин Федя.

– И «бабушка», «бабушка» припиши…

Булкин Федя и бабушка.

Клеит бабушка на конверты марки.

– Почему тут одну марку приклеила, а тут две?

– Потому что это письмо в Тольятти, от Москвы совсем близко, одной марки хватит. А это письмо в Красноярск. Далеко. Две марки, Федь, нужно.

А до Небесного Города сколько же марок нужно, чтобы письмо дошло?

Не зря все-таки копил я в кошке накопительной денег.

– Сколько марок, мальчик, тебе?

И высыпаю в окошко все кошкино. Мне, отвечаю, на все!

Стоит на тумбочке елочка, в ватных валенках, закачаешься, как вся разукрашена!

Шарик об шарик цукает, звякает. Из малинных, изумрудовых бисеринок мельничка, мишура и дождик серебряный, Снегурочка в ватном тулупе, саночки. И горит над всем звезда кремлевская, алая! Красота…

– Федя, сменим давай с тобой звезду эту на маковку, посмотри, какая красивая.

Красивая-то она красивая, золотая, только папе с мамой, если отпустит их Бог к нам на каникулы новогодние, такая красота вряд ли понравится, не за Бога они у меня, а за Ленина с Дед Морозом!

– Мы за звезды кремлевские, бабушка, столько крови героев пролили! Сколько жизней не пожалели своих!

– Это кто же «мы», Федя?

– Мы, бабушка! Люди!

Еле дотянулся я с табуретки на стол папин письменный, звезду эту водружая.

Нет уж, бабушка хитрая, враг безбожной республики! Никаких тебе маковок в такой день!

– А куда же нам ее, Феденька?

– А вон, бабушка, в ту коробку, где без рожек шарики у тебя с битыми шишками, до лучших времен убери…

На Рождество, так и быть, разрешу ей звезду любимую золоченой маковкой подменить.

Я-то думал, Рождество – это там какой-то праздник особенный… РОЖДЕСТВО! А оказывается, это обыкновенный день рождения, когда сын у Бога родился.

Тыщи лет тому, а старушки до сих пор вспоминают! Ну и крепкая же память у них на давние времена… Цемент! До чего злопамятные старушки…

А вот бабушка про мой день рожденья каждую секунду забыть готова.

– У меня день рождения, кстати, скоро, ты помнишь, бабушка?

– А какое сегодня, Федь?

– Двадцать восьмое декабря уже, бабушка!

– Где же скоро? Целый месяц с лишком еще.

– Это просто предупреждаю тебя заранее, чтобы ты на луноход успела накопить…

Сами видите, не то что мой день рожденья когда не помнит она, но не помнит даже число сегоднее! Был бы похитрей, пособразительней, поковарнее я, каждый день бы бабушка луноходы мне покупала.

* * *

– Сколько лет тебе, бабушка?

– А сколько есть, Федя, все мои…

– А хотя бы примерно припомни, бабушка?

– Да примерно под сто, Федя, будет…

– А по паспорту?

– А по паспорту… Господи боже мой, а паспорт-то где у меня? Я же вроде в пожарную тумбочку вчера его положила…

Вчера положила она паспорт, ага! А в кассу сберегательную на прошлой неделе ходила…

– Не вчера, бабушка, а в прошлую пятницу, когда ты за пенсией – помнишь? – ходила. А потом приходили какие-то, и ты им паспорт показывала. А потом под вязочку на трельяж положила.

– Слава тебе господи, Феденька! Вот он…

А где ему быть еще? Паспорта не летают…

– Так сколько лет тебе, бабушка?

– А вот тут, Федь, написано. От сорока пяти у нас дальше живи, сколько хочешь. Сначала, правда, доживи попробуй, а после попробуй выживи…

– Так сколько ты выжила, бабушка?

– А сам посчитай. Без очков-то не вижу я. Ах ты, осподибожемой! А очки-то я куда положила?

Не уследишь за ней…

– Вот они, в голове торчат.

Всегда очки торчат из головы у бабушки, когда потеряет их.

– Могла бы и сама запомнить, бабушка!

– И не говори, Феденька… память девичья…

– Так сколько лет тебе, бабушка?

– А ты, Федя, сам на папином калькуляторе посчитай, а то у меня капуста сгорит.

Сложил я одно с другим, так и ахнул… 1922 + 1982 = 3904. Ну и ну… многовато. И не знаю даже, как такая длинная цифра вслух?

– Тебе, бабушка, три вначале, после девять, потом ноль, за нулем четыре.

– Что, Феденька?

Конечно, ничего не слышно бабушке в таком оглушительном возрасте…

– Первой три, потом девять, потом ноль, потом четыре!!!

– Что ты, Федь, кричишь, как оглушенный, дай-ка я сама посмотрю… Три тысячи девятьсот четыре? Ты что ж это, Федя, складывал?

– Складывал…

– А тут вычитать, ах ты глупенький, нужно.

– ИЗ ЧЕГО ЧЕГО, БАБУШКА???!!!

– А?

Ладно, в таком-то возрасте не слышит же она ничего, старинная моя бабушка, древняя, сам сообразить посчитаю… От года ее рождения: один девять два и два (раз раньше год был, значит больше) вычитать нужно меньшее: один девять восемь два…

Это уже высшая математика. Слава богу, у папы калькулятор есть…

– Бабушка…

– Что, Феденька?

– Минус шестьдесят лет тебе, бабушка.

– Федя…

– ЧТО, БАБУШКА?!!

– Почему минус, когда плюс?

– ЧТО ПЛЮС?! Тут минус написано…

– Шестьдесят лет мне, Федя, хоть в минус, хоть в плюс…

Плюс минус ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ моей бабушке.

Ну ничего себе, как папа мой говорит, погрешность!

* * *

До чего же красивая вышла елочка! Боже мой…

Фонари бумажные, что мы с мамой еще из журнала «Мурзилка» *вырезывали,* папа вставил в них лампочки, провел электричество. Гори, елочка! И горит, сияет огнями, фонариками она! От другой розетки на маковке, как маяк, мигает пятиконечная звезда алая… Красота!

Неужели из Града Небесного папу с мамой не отпустит Бог к нам на праздник с бабушкой? Неужели не бывает в Граднебесном отгулов, отпусков, выходных не бывает?!

Разве можно держать строителей на чужбине безвыездно? Не пускать их к родным на праздники? Навсегда детей от родителей разлучать?!

И не Бог тогда это, бабушка, узурпатор! Капиталист! Даже с БАМа мама с папой на Новый год всегда приезжали…

– А какой строй при Боге в Граднебесном, не знаешь ты, бабушка?

– Не знаю, Федя, какой. Без строя строят там, волей своей, никем не принуждены.

– Как на БАМе?!

Коммунары, энтузиасты, первопроходцы, герои…

– Там от каждого по возможности, каждому по потребности, что ли, бабушка? И у всех всего, сколько хочется, а не в зависть?!

Это же тогда у них коммунизм…

Не, приехать, значит, могут все-таки мама с папой мои, раз не держит насильно их Бог в небесном градостроительстве. Что им время терять поездками, если строят для всех, кто жив на земле, после смерти светлое в небе будущее…

Раньше на столе много тарелок сервизных с синей полоской по краюшку мама ставила: тетя Аня придет, дядя Сережа друг с тетей Натальей, Евгения Николаевна, шумные! Длинную селедку под шубу свекольную прятали, ни куска потом не найдешь! В огромную миску салат оливье, рыба заливная в лимонах кислых, про которую в фильме правду сказал один дяденька, что гадость она, холодец из хвостов да копыт…

– Почему так долго, бабушка, варится холодец?

– Черта варят, Федь, на Рождественский пост. Вот он все никак и не сварится.

До того он опасный, черт, что всю ночь на огне медленном в огромной кастрюле у мамы кипел, а потом еще до полудня, и почти до самой полуночи в холодильнике в противне мерз для безопасности.

С хреном его ели, на квадраты дрожащие нарезав, а за язык все равно щипался, но уж вкусно!..

Под батареей с бабушкой у нас тесто. Папа очень любит капустный пирог с яичком рубленым. Посидит-посидит тесто в кастрюльном тепле, согреется и ползет наружу. Приподнимет крышку – и на пол лапами. Отдирает бабушка лапы эти с линолема, заправляет обратно в кастрюлю, а оно опять…

– Вон, опять оно, бабушка!

– Последи за ним, Федя.

И сижу у батареи, на корточках, за тестом слежу, как крышку втихаря приподнимает оно, подглядывает. Слежу, слежу, засыпаю… Батюшки! А оно уж к раковине от меня уползло…

– Бананы прозрели, бабушка?

– Не «прозрели», а не дозрели, Федя; к Рождеству, даст бог, подойдут.

– Нет такого праздника больше – Рождество!

– А какой же есть, Федя, праздник?

– Старый Новый год, бабушка!

…День Конституции. День Революции. 23 февраля есть день, защитника от фашистов Отечества, и Восьмое марта – всеобщих женщин.

– Не всеобщих, Федь, а всеобщий…

– Всеобщий тогда с мужчинами был бы, бабушка!

* * *

– С ВОСЬМЫМ МАРТА, бабушка! С ДНЕМ ТВОЕГО ЗАЩИТНИКА!

– Спасибо, Феденька, защитник ты мой… Ах ты господи! Красоту-то какую нарисовал.

– Мне вот тоже, бабушка, эти цветы гораздо больше на открытке у тебя нравятся, чем когда они на картинке в твоей садовой энциклопедии были…

* * *

Пасха еще, правда, тоже есть…

– Если Пасха есть, Федя, как же Рождеству не быть?

Никакой связи меж этих праздников не вижу я. В Рождество ни одного подарка не кладет Дед Мороз под елку. Нечего и говорить о праздниках, когда подарков под елкой нет. А на Пасху яички крашеные, разноцветные, как в Новый год шарики, и кулич с изюмом, на десять и десять тесто яиц!

– Сколько, Федя, будет десять и десять?

– Двадесять, бабушка…

И всю ночь в шкафу печется, густой… Даже воздух изюмом маковым по всем комнатам рассыпается! А чего хорошего в Рождестве?! Новый год прошел, фильмы все хорошие показали, ну и детский сад на носу…

Ох, не нравится мне праздник этот!

«Родился Христос, отморозил нос!»

Ничего не сказала на эту считалку бабушка.

Раздувается от обиды. Потому что считалка хорошая, складная. Так у нас в садике друг с другом считаются. На кого пальцем тыкнули – тот дурак.

Есть, правда, еще один очень хороший праздник в нашей стране… День моего рождения.

1 февраля родился Я! Родила меня мама папе, а достался я только бабушке. «Федя», говорит, по греческому языку «Божий дар» означает. И откуда только греческий знает?

– Ангел твой, покровитель небесный, в день рождения твоего тоже именинник, Федя.

Этот, к моему дню рожденья примазавшись, Феодор святой – Христа ради юродивый. Не повезло мне вот так, с блаженным на всю жизнь покровителем. Как ему оберегать меня, если он сумасшедший? Сумасшедшие все блаженные. Одна блажь у них на уме…

– А у Феди нашего всей блажью наружу…

Это еще хуже обиделась бабушка за правду мою. Любит таких приваживать! То безрукие они, то безногие, на шкурах у ворот храмовых сидят, денег просят. И такие уродивые они, что их даже в храм не пускают.

– Ни за что не стану уродивым!

– Не уродивым, Федя, юродивым…

А «юродивый» от «уродивый» произошел. Только букву первую в имени сменил.

Не хочу я быть ни уродивым, ни юродивым, ни уродливым, ни блаженным! Но «Аленку» в день ангела все равно дарит бабушка мне. Повезло блаженному – заодно со мной именины…

* * *

Только две тарелки теперь на стол поставила бабушка. Значит, все-таки не надеется, что приедут к нам папа с мамой.

Понадеюсь тогда я с Царь-Зайцем моим – за нас четверых и Пуню. Тоже помнит Царь-Заяц папу с мамой моих, Пуню помнит… я знаю! Уж она-то его как следует в жизнь свою потрепала…

Посажу его вот так, папе на стол, на бумаги геологоразведочные, на газеты «ПРАВДЫ», он в окошко глядит-глядит, как летают снежные мухи.

Ждет и он, я же вижу!

– Не выдумывай, Феденька.

– Да какие у тебя, бабушка, полномочия – за Царь-Зайца моего говорить?!

Поставлю папе с мамой тарелочки. Папа тут сидит, мама тут всегда. Папе рюмочку, маме бокал ее длинный хрустальный шампанское пить, «Советское полусладкое», папе под елку дневник детсадовский, к школьным годам подготовительный. Оценки хорошие, есть чем папе гордиться! Красные кружочки все в табеле – пятерки по-новошкольному.

Маме нашел на улице я шарик стеклянный. Целиком из стекла! Цвета изумрудного, внутри пузырик застыл. Будто кто-то вздохнул в нем невидимый. Маме очень должен шарик этот понравиться…

И в двенадцать курантные мамы-папины ложку с ножиком на пол случайно *роню,* есть примета такая специальная, чтобы уж точно!

…И чему только все в телевизоре улыбаются? Песни поют, кривляются?..

– Маловато нас с тобой, может, бабушка, для веселья?

Может, по кровати попрыгать мне, хоть для виду?

Вон как снегом двор замело. А окошек, окошек с елками сколько… и все похожи! Папе с мамой издалека как окно наше с бабушкой от чужих отличить?

– Бабушка! Неси с кухни скорей лампадку сюда свою! На окно поставь, зажигай! Я звезду включу…

И Царь-Зайца возьми еще, на тебе. Посади на подоконник тоже его, рядом со своим кактусом.

Папе с мамой нас тогда по окну от всех будет видно…

Из тетради Фединой: чтобы бабушка никуда не уехала

– Умираешь ты, бабушка?

– Почему умираю-то, Федь?

– А зачем чемоданы из-под кровати повынула?

– Да хотела вот себе одну кофточку к праздникам посмотреть…

Вот уйдет в магазин она или за пенсией, нужно будет чемоданы эти перепрятать как следует. Без чемоданов своих, в одной кофточке, далеко не уедет…

Чтобы не умерла она, не провела меня как-нибудь, чтобы в Град Небесный жить тайком не уехала, нужно все без исключения подозрения предусмотреть!

– …Поживет, Федя, человек на земле, походит, порадуется, полюбуется на чудеса разные, лета и зимы, моря да горы, и так, бывает, находится, так устанет, что захочется отдохнуть от жизни ему, спать приляжет да и заснет крепко-накрепко…

Тоже так иногда засыпаю я. Только голова на подушку – и утро.

– Душа же увидит, Федя, что уж очень устал человек ее, да и отлетит тихонечко, далеко-далеко, на самое небо. Нельзя такого человека будить. Разбудишь его, а душа-то в тело вернуться и не успеет… Вот ты, Федь, глаза закрой, посиди тишком, поразмысли молчком…

– О чем поразмыслить молчком мне, бабушка?

– А о чем рассказать, что спросить хотел, о том помолчи. Только глаз не открывай, не подглядывай, а то ничего не получится.

И сижу, не подглядываю. Молчу. Тысяча вопросов во рту накопилась!

– А теперь поднеси ладошку к губам да подуй тихонечко.

И полился в ладонь воздух теплый, мягонький, чуть-чуть петушком на палочке пахнет (только что, недавно, спичку догрыз петушиную), и как будто прикоснулся кто-то невидимый. Руку трогает, шебуршится, щекотно даже…

– А теперь сожми в кулачок.

Поймал кого-то… точно, точно поймал!

– Кто там, бабушка?

– А не знаю, не видела…

Неужели душу я выдохнул?

– Посмотреть ее можно или забоится она, назад потом не вернется?

– Посмотри.

Никого, ничегошеньки нет в кулаке моем. Только если поближе принюхаться, петушком на палочке чуть-чуть слышно…

И от пальто маминого зимнего в клеточку мамой слышно, от помады ее, от платьев – мамой моей… От стола от папиного, газет, от ключей его, пиджака его – папиросами синими с лентой красненькой «Беломор».

Снимешь с вешалки куртку папину с капюшоном, в какой окуней с ним тогда на даче ловили, костром и дождиком пахнет. Вот тут искоркой прожгло, отлетело. Три копейки в кармане…

Помажет йодом царапину бабушка, щиплет до слез, а подуешь от души на царапину – сразу легче.

Не спится мне, размышляю, думаю…

Одна мысль – корабликом, в бутылку прозрачную запечатанным, как бы достать его? Как попал туда? Как в янтарь жук попал, как ему пришлось натерпеться…

И другая мысль – луноходом, что никак не купит мне бабушка. Еще мысль – мороженым в стаканчике вафельном, даже просто подумаешь: вкусная…

Мысль шмелем, что сегодня перед скамейкой по асфальту ползал, а бабушка ему листик подставила, на траву унесла. Про клопа малинного мысль, что случайно сегодня вместе с ягодой раскусил, до сих пор противная мысль…

Что завтра с бабушкой на рынок поедем мысль, про беляш мысль – в бумаге масленой, какие в тележке на станции, объедение…

Про абрикосы с черешней мысль. Про цыплят-котят-щенят, что всегда продают вдоль забора рынка…

Чтоб купила мне завтра щеночка собаки бабушка – хорошая очень мысль. Или хоть бы цыпленочка. Что зачем-то продают там еще прищепки, галоши, варежки, пелеринки, теткины кофточки, прочее никому не нужное. До чего непонятно, что покупают люди! Мысль, что можно будет среди никому не нужного моторчик от заводной обезьянки себе поискать…

О душе тоже мысль, конечно, все время вертится и не верится…

Можно ли доверять бабушке, что душа в кулаке была?

– А была ты, бабушка, пионеркой?

– Была. И пионеркой, и комсомолкой была.

– И партийная?!

– Беспартийная…

Беспартийная бабушка. Нет ей веры.

– Нужно будет тебе, бабушка, в партию, как мой папа, вступить! А то так и умрешь беспартийной.

– Не по билету, Федь, душу в рай принимают.

Одни поговорки да присказки. Не понимает старость дремучая, что истина человеку всякой правды дороже!

Дождался я, как уснул. Увидала душа, что сплю я, выползла.

Повисела для начала у губ моих облачком, вроде ватки парной, какая на стекле летом пятнышком, а в морозном окне прорубь целую выдохнешь. Висит над мной, опасается: вот, думает, тело если не спит еще, вздохнет сейчас, я обратно спрячусь. Только не тут-то было ей. Затаил я вдыхание. Даже рот закрыл, для надежности. Что ты, думаю, теперь будешь делать?

А она поразмыслила, вроде сплю я, наверное, поднялась от подушки повыше, покружила под лампочкой, полетела к польтам. Это знаю я, зачем она туда полетела. Посмотреть на шкафу хочет душа моя, не туда ли спрятала бабушка сапоги резиновые. Потому что точно уже уверен я, что дорос до них, а бабушка все нет да нет говорит.

Заглянула душа на шкаф, а коробки с сапогами и правда нет, покружила еще у лампочки, посмотрела, какой журнал листала перед сном бабушка, прочитала названье: «РАБОТНИЦА», поползала по столу, слизнула с баранки маковку, на подоконник вспорхнула и прямо в уголок, где у нас марлечка плохо кнопкой закреплена, в сад улетела…

Знаю я теперь, из какого места у нас по ночам комары в горницу налетают! Не зря за душой следил. Не забыть бы только, как проснусь, сказать бабушке…

Вернулась утром душа, залезла в меня, только свернулась калачиком, как уже вставай, будит бабушка. Не на рынок, оказывается, а в сад вставать…

Всё душа во сне перепутала. Только душу летом разбередила. Путешественница она, безбилетница! Из зимы в лето, из земли в небо легче птички летает…

– Бабушка?!

– Что, Федя?

– Просыпается человек от вечного сна?

– А как же, Федя, не просыпаться? Если не проснулся, умер значит ведь, а смерти нет, где захочешь, там и проснешься. Хочешь зимой, хочешь летом, хочешь в Париже, хочешь в Лондоне…

– Я летом хочу, на даче. А ты где хочешь проснуться, бабушка?

– А я с тобой, Феденька, проснуться хочу.

Значит, тоже на даче.

* * *

Бабушка?!

– Спишь ты, бабушка?

– Сплю, Федь, двенадцатый час…

– А ты каким сном спишь, не вечным?

– Да уже никаким, Федь, не сплю, уснешь с тобой разве?

– А каким спала?

– Да обычным, Федя, спала…

– Тогда спи!

Из тетради Фединой: о выборе

Ладно, есть душа, согласен я в этом с бабушкой. Просит душа моя, чтобы бабушка вот этот набор солдатиков мне купила…

И не где-нибудь мы сейчас с бабушкой – в ДЕТСКОМ МИРЕ ЦЕНТРАЛЬНОМ!

Даже слово какое волшебное… Детский Мир…

Из меня такими глазами, бедная, смотрит душа на бабушку! Никакая нормальная бабушка такого взгляда не выдержит! Через слезы смотрит, молча просит она, не дыша, прикусила губы. Как бы не зареветь только, думает…

Не то что попросить она гордая – уж какая тут гордость! – а волнуется просто: вдруг если купит бабушка мне этот набор солдатиков, то телу на мороженое в стаканчике вафельном у бабушки в кошельке не останется?

Вот какая душа моя справедливая, добрая. Всегда первым делом о других позаботится.

Все сильней и сильней смотрит душа на бабушку, так и кажется, заревет сейчас да и выпрыгнет. Даже пальцы про мороженое забыли… заворожились.

Так и перебирают в пакете матросиков, что бегут в атаку на своих подставочках, гранаты бросают в белогвардейскую армию, машут флагами, на колени падают, погибают за нашу молодую республику…

– Может, лучше купим, Федя, мороженое в стаканчике?

Французский язык учила в древние годы бабушка. С тех пор на всех языках понимает…

– У души один язык, Федя. Протерпи через слезы.

Так молчали на пытках командиры красные. Так молчала партизанка Зоя Космодемьянская. Так молчит памятник Зорге, разведчику, на «Улица Зорге» улице. Так молчала, погибая, Молодая Гвардия. Радистка Кэт. Молча шагали так сражаться с фашистами по улице нашей «Героев Народного Ополчения» герои народного ополчения.

Зря ты, зря в этот раз промолчала, душа!

Доедает тело предателя стаканчик вафельный… губы облизывает…

Ничего душе не оставило, всё доело…

Из тетради Фединой: что не умирают люди

– Умирал как-то, Федя, старичок один. Хорошо пожил, долго, в разное. Добрый был человек. Порядочный, честный…

Даже жалко стало этого старичка. И такой хороший, а умирает! Умирать плохие люди должны! Пусть хоть все умирают, не жалко!

– …Внуков, правнуков нажил тот старичок, да и потерял многих. Вот лежал он, лежал, вспоминал потихонечку жизнь свою, добром вспоминал, размышлял, да так Господь прибрал его ласково, что даже он и не заметил. Задремал, вспоминая, и не проснулся…

Вот такой смертью можно умереть мне! Если все-таки дело до такого дойдет, то я, как старичок вот этот, хочу… То есть не хочу и так. Никак не хочу. Если человеку чего-то очень не хочется, никто его не заставит! Ясно?!

– …Никому, Федя, умирать не хочется, как ни умирай. Привыкает к телу душа. Приживается.

Знает: полетаю ночью во сне, а потом будет мне дом вернуться. Интересно и дальше смерти своей заглянуть человеку… даже на похороны свои любопытно посмотреть ему, кто придет проводить его, как все будет…

Тоже хотел бы я посмотреть на похороны свои. Посмотреть, а потом чтоб не умер!

– …Отлетела, как уснул старичок, душа его, а тут как раз в комнату, где умер он, живые его заглянули. Как увидели, что не дышит, все в крик, все в слезы. Очень уж они того старичка любили. А больше всех любил его внучек, именем вот как ты, Федя, Феденька. И он стал плакать. Вернись, вернись, дедушка! Ты мне звездочку обещал показать.

А и правда было такое обещание данное. Купили для этого они трубу подзорную. Телескоп называется. Вот поправлюсь, говорил дедушка, покажу.

А душа старичка уже далеко была. Но как внучек напомнил про звездочку, вздрогнула, обернулась. Посмотрела, окликнутая, и такую, Федь, высоту внизу увидела, как в самолете лететь. А голос Федин звонкий был, все равно снизу слышно.

Делать нечего. Потянулась душа старичка назад. Тяжело вниз душе лететь. Она вверх легче летает. Но у обещаний земных сила сильная, и вернулась душа старичка в комнату. Хотела было назад в тело вернуться, а душа, Федя, со вздохом в тело только вернуться может. А тело уже не дышит. Покружила душа бездомно по комнате. Хотела утешить Феденьку. Да только она бестелесная. Живым невидима. Понял старичок, что ничего уже не поделаешь. Поцеловал внучка Федю тихонько в затылочек, попрощался.

Выше, выше летит душа старичка. Не старая, детская она, оказывается, жила в нем, ко всему любопытная. А чудес, Феденька, в небесах побольше, чем на земле. Летит душа, все разглядывает… Космосы. Столько звезд вблизи порассыпано, сияют, как самоцветы на бархате. И увидела душа самую-самую красивую звездочку. Ту самую, что обещал старичок Феде своему показать.

Подлетела душа к этой звездочке, склюнула ее с неба: вернусь, подумала, глупая, Феденьке подарю. А пока полетела выше.

Долго ли, коротко, я не знаю, но вот прилетела, Федя, душа старичка ко Вратам Небесным. За стеной невидимой – сад видимый, обетованный. Цветут там деревья всякие многоцветные, мандарины, сирени, настурции, вишни, кокосы, яблони… И стоят за стеной этой, Федя, те самые, кто вперед старичка того умерли. И мама, и папа его, и бабушка, и сыночек любимый Алешенька, от которого как раз внучек Федя. Друг его Валька, Гордеев, Карпухин, Тамара и Галочка, дядя Толя и много еще его любимых людей, товарищей.

Все такие нарядные, радостные. Встречают. Все ему улыбаются. Только тут-то, Феденька, ему улыбаются, а там, позади, горюют… и больше всех горюет о дедушке внучек, Федя.

Как тут быть?..

Не меня, надеюсь, это спросила бабушка. Я – не знаю.

– …И встали по обе стороны той стены любимые люди.

Вернись, вернись, дедушка! – плачет Федя. Не выберешь… Да и как? Когда справа родители, мама, папа его, сын любимый и бабушка, друзья многие. Слева жена, внучки, а главное – Федя, Феденька… Звезду ему показать…

Ужас какой! Я бы тоже, наверное, как тот дедушка, выбрать не смог…

– …Но недолго так выбирала, Федя, душа старичка у стены той невидимой, повлекло ее к Господу. Прилетела она. Звезду из клюва выпустила, села на уголочек стола Создателя, а сама так чирикает, так чирикает, чик-чирик! Перья дыбом…

Услыхал Господь это чириканье. Посмотрел на пичугу. Видит, душа хорошая прилетела к нему, доброго человека.

Что, говорит, ты хочешь, пичуга? О чем *расчирлыкалась?*

А я, отвечает она, не знаю, что делать мне, Господи! Видала стену у сада я, и туда и сюда хочу. И там мои, и тут мои, а главное – внук мой, Федя. Звезду вот ему сорвала…

Выслушал душу Господь, нахмурился. А кроме тебя, сказал, выбирать-то некому. Не мне же за тебя выбирать? Хочешь – вниз лети, хочешь – вверх…

Долго думала, Федя, птичка-душа. Выбрала все-таки к родителям, к деткам прежним. До того уж, думает, я о них соскучилась! Решила было, да как подумала – передумала. Уже снова хотелось обратно ей. И о тех, кто внизу, успела она соскучиться. Да еще и звезда для Феденьки… Не выбрасывать же в небо назад?

Опять расчирикалась душа.

Что ты, спрашивает Создатель, решила?

Не решила, отвечает птичка, решить не могу, душа разрывается… А нельзя ли мне раздвоиться?

Оказалось, никак нельзя раздвоиться ей. Не бывает. Узнала это душа и заплакала, так сказала: лучше бы умерла я, Господи! Чем из них выбирать… Выбери Ты за меня.

Мала оказалась птичка-душа, а мудрее хозяина старого.

Улыбнулся Создатель. Подставил птичке ладошку, по головке погладил, да и выпустил во Врата…

– А звезда?! Звезда как же бабушка?

– А звезда назад в небо, Федя, взлетела.

– Назад?!

– Чтобы внучек старичка того, когда тоже старичком станет, Феденька, по звезде по этой дорогу в Город Небесный нашел…

Не понравилась! Не понравилась мне категорически эта история! Обязательно нужно будет потом почтальоном космическим стать! Пусть Бог сделает мне в стене невидной окошечко, как на почте. Буду письма с посылками разносить…

Из тетради Фединой: о преступлении и наказании

– Посмотри-ка, Феденька, белочка…

Никакая это не белочка! Слепая бабушка совсем стала, ничего не видит. Разве бывают белки такие? Они рыжие все, во-о-от с таким хвостом. А у этой не хвост, а одно мучение, и сама сплошное недоумение: седая, тощая, ветер с ветки на ветку носит.

– Просто, Федя, зима сейчас. Белку Бог на зиму в серую шубку переодел. Чтоб в снегу не видно.

– Снег белый, бабушка. Какая разница, в какой шубке по нему прыгаешь: в серой, в рыжей? Все равно как у филина на тарелке. Правда, я бы на месте его такую плохую белку и есть-то не стал…

Но не действуют на бабушку доводы разума, вот опять она за свое, как будто про филина и не слышала:

– И всякого, Федя, Господь телом дарил на спасение. Лошадку – ногами быстрыми, мышку – размером малым, бабочку – цветом с цветком одинаковым, чтоб птичка не склевала ее, как нектар будет пить, птичку – зрением острым…

Вот-вот! Это чтобы лучше, значит, видела птичка, где там, на цветке, ушами бабочка хлопает.

Мне вот папа рассказывал, что есть такой червячок, сам маленький, безобидный, как звать – не помню. Но вот если склюет его птичка, так он внутри ее ночью засветится. Сядет птичка на веточку подремать. Вот, думает, хорошо, удобно сконструировал меня Бог, маленькая я, серенькая, под листиками сижу, темно, никому меня не увидеть. А внутри ее светлячок этот фосфором сквозь листики далеко из темноты светится, филину маячком к ужину. Зачем такого червячка придумал Господь? Зачем делал птичку маленькой, если выдал ее потом с потрохами? Или это птичке за то, что червячка склевала она? Раз уж не бывает наказаний, по бабушке, без преступника? Но ведь если б не склевала его, голодной осталась бы! Червячка вместе с птичкой филин склевал. Теперь тоже засветится и склюет того филина ястреб… Пищевая цепь называется.

Ничего не скажешь, хитро придумано: одним червячком весь лес прокормил!

Всем, мол, дал вам я приспособления живыми от смерти уйти, а никто не уйдете…

– А меня чем умудрил Господь, бабушка?

– А тебя умудрил себе на беду вопросы глупые задавать, на Бога за все обижаться. На обиженных, Фитилек, воду возят.

– Воду возят, бабушка, не на обиженных, а на согласных с послушными. А вот на обиженных далеко не уедешь! Далеко уехали, скажи, бабушка, злодеи-помещики и попы-обманщики на рабоче-крестьянской силе? Сама знаешь, бабушка, кто кого победил: буржуи-обидчики *или армия всех обиженных*!

И все-таки некогда, я так думаю, Богу за всеми нами следить. Это и бабушка говорит: за одним зайцем погонишься, всех распугаешь. А нас у Бога вон сколько! И все от него разбегаются.

Думал, думал Бог, что со всеми делать, и сказал: приходите сами ко мне, рассказывайте, что натворили, а я не могу все время за вами приглядывать, у меня спина болит у окна стоять, и глаза б мои на вас не смотрели…

Только как к Богу идти, как к бабушке, самому рассказывать, кто что разбил? Во-первых, нехорошо это – жаловаться, хоть и на себя, а все равно как шпион и доносчик. Во вторых, и сама увидит со временем бабушка, что вазочки синей нет…

– Федя? А где моя вазочка?

– Какая, бабушка?

– Синяя.

– Вот и я тоже, бабушка, что-то давно уже этой вазочки твоей синей не видел…

Ну и в-третьих, все равно попадет.

– Не бывает, Федя, у Бога без вины виноватых, ни за что не бывает наказанных. Ударился, коленку разбил – значит, сделал что-то не то, плохое что-нибудь натворил. Или предупредил тебя Господь: не беги, ударишься… Понимаешь?

Не понимаю! Уже ударился и еще потом за то, что уже ударился, стукнулся? Еще не сделал ничего плохого я – а уже одни тумаки…

– Снизу, Федя, правды не увидать. Виднее сверху-то.

Можно подумать, очень много мне видно, как в траве букашки копошатся, бегают. У них свои дела, у меня свои. Сама вверх смотри, не зевай, букашка! Раз такая по сравненью со мной некудущая. Не идет ли там где в твою сторону Федя Булкин?

Наказал мной Господь Бог бабушку.

– Наказание ты господне! Бессовестный! Это где ж так вымазался, злодей?!

– Под столом так вымазался я, бабушка.

– Это где ж там грязь такую нашел?!

– А она сама меня, бабушка, там нашла…

Где, где…

Нужно бабушке помогать, продолжать заносить дела хорошие на свой счет. Только с грязью этой в целом не справиться мне. На всю грязь с совком нагибаться – жизни не хватит. Замести, чтоб не чикаться. От греха подальше. Под стол бабушка редко когда заглядывает, у нее поясница…

– Красота-то какая, Феденька, чистота! Молоде…

…Ну, почти никогда не заглядывает она…

– Ты не наклоняйся так лучше, бабушка, а то поясницу опять сломаешь…

– Святые угодники!..

– А я говорил…

Если я твое наказание, бабушка, то тогда терпи и не жалуйся!

Всегда за дело от Бога нам достается, сама говорила.

Разбил коленку – за дело. О шкаф косточкой треснулся – за дело, не реви, а вспоминай, за какое такое, потому что:

– Просто так и волос, Федя, не упадет с головы…

– Лысые, наверное, самые страшные грешники, бабушка?

– Почему?!

– Вот, бабушка!

– Боже мой…

Три дня вел я себя хорошо. Помогал и слушался бабушки. Специально терпел. Чтоб уж точно потом знать, что ни за что наказанным буду. Больно очень было, зато теперь точно ни за что я наказан. За правду страдаю.

Целый клок из головы себе вырвал – бабушке в несправедливости Божьего наказания убедиться…

* * *

Не ушла опять бабушка безнаказанной…
– Батюшки… Господи… Святые угодники…
Это еще не всех своих защитников от меня она перечислила.
– Боже мой…
В целом гуашь – это краска некрепкая. Ненадежная. Не на века краска, хотя и вкусная.
– Ел ты, что ли, Федя, ее?
– Почему сразу ел? Просто пробовал…

Из тетради Фединой: о делах на совести каждого и возмездии справедливом

– Бабушка, сюда! Скорей, скорей! Смотри, как хорошо у нас теперь с тобой стало.

– Господи помилуй… Федя! Это зачем же ты угол стола отпилил?

– А сколько, ты думаешь, бабушка, может шишек набить человек, чтобы лопнуло всякое его человеческое терпение?!

– Сколько, Федя?..

– Шесть, бабушка, шесть! И не в день по шишке! А каждый раз, бабушка, каждый раз… И на даче, помнишь ты, бабушка, как тогда оса меня укусила?!

…От тигров осы произошли.

– Ты как думаешь, бабушка, от тигров осы?

– Да ты что, Федь, от каких еще тигров?!

А я вот думаю, что от тигров! Вся веранда жужжит от них, дребезжит, вареньем воздух кипит, даже в горнице слышно. Зыыыыыыыы… Жужжат, вязнут лапами в сладких лужах. По клеенке ползают, пьяные… головами мотают усатыми. Усатые, полосатые, Винни-Пуха чуть не загрызли…

Один в один осы – тигры, а шмели от львов. Львы вообще гораздо ос благороднее. И красивее. И полезнее. И лохматее. Потому они и шмели-и-и-и-ииииииииии!!!

– Господи помилуй, что, Феденька?

– Иииииииии… ушкаааааа… ооооо…

– Федя! Что? ЧТО?! Оса укусила?

– Уууууууууу…

– Царица Небесная! Рот, рот открой, Федя! Федя! Ложечку вот так ручкой подержи, закуси. Где же это, господи помилуй, у меня супрастин?!

Вот за что она меня тогда? Ведь за правду!

– Это, Федя, Бог тебя наказал, чтобы пальцем не лазал в варенье…

Затаился, подкараулил, да?! Это как в сказке Пушкина про Гвидона, обернулся пчелой! Больше дел заняться, можно подумать, нет! Посмотрел бы лучше, сколько ужасов в мире творится! Почитал бы «Хижину дяди Тома»! Вон у них там, в капиталистической империи Америка, черных белые за людей не считают! Газом слезоточивым разгоняет полиция мирные демонстрации! Видно, нет у Бога на небесах телевизора…

– А чужие грехи, Федь, не твоя забота. Есть кому разобрать. Ты своих не копи по сусекам.

– Да ведь можно было словами предупредить меня, бабушка!

– Я тебе, Федь, сто раз говорила…

– Ты другое дело, бабушка, у тебя угрозы одни, от тебя наказания не дождешься…

Все равно в масштабах общего человечества за всеми не уследишь, кто в какое варенье лазает, ос кусаться не напасешься! Потому что за двумя зайцами не гонись, бабушка! Ты одной-то мухи вон не поймаешь…

И подкарауливать нужно, бабушка, не детей маленьких у варенья, а американского президента Рейгана! У него дела государственной важности, гонка вооружений, холодная война, бабушка! А он на такие мелочи отвлекается…

Если так вот за каждым охотиться, то на каждого человека по личному Богу нужно!

– В каждом, Федь, Бог.

– И во мне?!

Только этого еще не хватало…

Справедливость – дело совести каждого. У кого нету совести, у них тоже есть справедливость. Справедливо ли, думают они, Бог меня опять наказал, у меня же другая точка на это зрения?! Если ты сильней и могущественней, что ты маленьких обижаешь?!

Защищать нужно маленьких, так считаю! Я вчера, например, муравья защищал – защитил ему кирпичом на дорогу тропинку. Спас его, далеко от тропинки отнес, посадил под дерево, обезвредил. Тонет в луже, например, червяк – протяни руку помощи, помоги!

Мы вообще в ответе за тех, кого подучили.

Поцарапала как-то раз Пуня меня. Показать я всего лишь хотел ей, что за дверью целая жизнь! Что там лифты…

– Показал?

– Показал… только ты лучше, бабушка, не йодом мажь, а зеленкой, она не так щиплется…

Пусть останутся на Пуниной совести эти царапины. Я как лучше ей сделать хотел!

– Сделал?

– Сделал…

Потому что Пуню наказывать грех и смех один. Пока погоня идет, пока шерсть на дыбах летит, пока когти скрежещут, пока под креслом найдешь, где таится она, из-под кресла вытащишь, уже разве помнит она, за что ее в трепку?!

Показал я Пуне, что натворила она, чтобы вспомнила, убедилась на примере моем, как она меня растерзала! Видишь?! Видишь, – говорю, – бессовестная?! А она зеленку понюхала, хвост трубой расфофорила, завела свои музыки, курлы-мур, курлы-мур, да еще и брюшком наверх, вот так! Мол, есть вера во мне, беспомощной, пушистой и маленькой, к хозяину доброму, справедливому, мудрому Феде, какой в тыщи раз огромней и умней меня, что не станет даром уши он драть мои, когда забыла давно и своим умом не дойду, чего такого я совершила.

Вера есть во мне в человека…

И простил я Пуню. Погладил. Не болят же уже царапины эти! Что ж теперь?!

– И вообще, будь я на месте его, всех прощал бы, бабушка, знаешь… Потому что не тот масштаб, бабушка, – слон и моська.

– И какой же, Федя, подходящий тебе масштаб? Стол распилить?!

– А подходящий масштаб, я думаю, бабушка, что рассказ ты читала мне… Лев с собачкой!

Из тетради Фединой: о Божьих советчиках

– Богатый, как ты думаешь, Бог, бабушка?

– Не знаю, Федь, что богатством назвать: кому богатство – кошелек тугой, а кому – ромашка.

– Ромашки в поле, бабушка, все бесплатные, какое из них богатство?

– А такое, Федь, и богатство, что всем глаз радует и на всех хватает бесплатно.

– Тут согласен, хватает в поле ромашек. Даже даром никто не берет.

А вот Бог, я думаю, бабушка, нас с тобой побогаче… и ромашки даже его…

– Его-то его, да для нас. А недовольных, Федь, и снегирь побогаче.

Побогаче снегирь нас с бабушкой, в кафтан вишневый одет, толстый, грудь калачом. Вон, рябину в сахаре ест…

– Вкусная, бабушка, рябина в сахаре?

– В снегу она, Федь.

Как клюква, наверно, в коробочке, рябина в снегу снегириная. Все углы пальцем облизал в той коробочке.

– Не выбрасывай коробочку, бабушка, она может нам еще пригодиться…

– Это зачем же пригодится, Федя, она?

– Может, мне еще сюда Бог пудры сахарной поднасыплет. Я ему на видное место на подоконнике положу.

Бог послал…

Монетку нашел я в снегу на дорожке, денежку!

– Можно на такую клюкву в сахаре купить, бабушка?

– Не хватит тут, Федя.

Что же так мало послал мне Бог? Даже на клюкву в сахаре не хватает…

Богатый, очень богатый Бог! Все богатые несправедливые.

Тете Лиле Бог послал билет выигрышный лотерейный. Автомобиль! А мы с бабушкой как не сверим такой билет – всё не сходится. В прошлый раз всего на одну циферку на автомобиль нам с бабушкой не хватило!

Тетя Лиля злющая сказала мне вчера:

– Сиротинушка…

Сама она сиротинушка, сиротинище серотинное…

Справедливости!

Вот у дяди Коли, дворника, на лекарство вчера не хватило. Очень плохо дядя Коля выглядел. Помираю, сказал бабушке, Тамара Лесеевна… Нет ли трех рублей на лекарство?

Не дала дяде Коле на лекарство бабушка. Знаю, говорит, Николай, я лекарства твои. А у самой три рубля на трюмо под вязочкой были…

Умрет теперь дворник.

– Ничего, Господь милостив. Обойдется.

Стыдно, видно, стало бабушке, что не дала она на лекарство дворнику, взяла три рубля из-под вязочки, нищему отдала.

Все-таки сделала она правильно. Дворник Коля так помирает, а нищий совсем уж нищий – без рук, без ног. На войне, наверно, погиб.

Только вот не понимаю я! Раз богатый Бог, отчего он нищему вместо нас с бабушкой не подаст? Айболит зайцу лапу пришил, Бог пусть ноги-руки обратно пришьет военному нищему.

– Военный этот нищий, бабушка?

– А Бог его знает, Федя…

Знает, а не подаст!

Почему не раздал всем Бог поровну на земле?

– Посмотри-ка, Федя, синичка!

Синичка, да… Хорошенькая… шустрая такая… среди воробушков седеньких желтым пятнышком с синей ленточкой прыгает. Вон вороны – папы-мамы воробушков…

– Разные, Федя, птички?

– Разные.

– А когда бы все одинаковы, хорошо?

– Хорошо!

Но скучно…

– Всех Господь по-разному одевал. Над каждым, Федь, думал. Синичке – желтый кафтан. Снегирю – алый. Дятлу – на грудь, генеральской птице – ленту атласную… Птички на Господа не обижаются. Один Федя обиделся…

– И у Пуни царь-шуба! Как со шмеля…

Соловей весной запоет… А воробушек только чирлыкает. Чирлык да чирлык. А голубь уличный, самая глупая птица, куриная голова. Противно было бы, если бы из птиц одни только голуби. А зато в голубятне у дворника белые голуби, те хорошие, не как те…

Но самые красивые, огненные птицы закатные, Флеминги…

– Не Флеминги, Федь, а фламинго.

В клетках в зоопарке сидят. Занесенные в Красную книгу.

– Красные потому что Флеминги птицы, бабушка?

– Что «потому что красные», Федя?

– В книгу красную их занесло?

Все равно непонятно мне, почему не раздал Бог всем внизу, как у себя там, по потребностям. Не у всех на земле, как на небе, возможности! Нужно так раздавать, чтобы никому не обидно. А то вот что у него с нашим автомобилем вышло! Только циферки одной не хватило. Мы бы с бабушкой на автомобиле этом на дачу ездили. Банки с вареньем возили в багажнике…

– Кто же, Федя, водил бы машину эту?

– Как кто?! Я!

– Тебе рано, мне поздно. У тети Лили дачи нет. А у нас есть… Всем поровну, Федя, дает Господь, только всем по-разному. Понимаешь?

Всем – поровну, всем – по-разному? Это как? Непонятно! Зачем тете Лиле машина, а? Раз у ней дачи нет, варенья нет, банок нет?

Раз богатый Бог, должен всем раздавать по ровному. И не только у себя там, в Небесном Городе, до него еще доживи…

Вот и настанет тогда при нем, как он сам хотел, коммунизм везде! И на небе, и в воде, и на суше!

– Лотерейные билеты счастливые каждому, бабушка, должны выпадать. А иначе люди из зависти только будут…

– Зависть, Федя, вещь ненасытная. Человек сколько сегодня ни съест, завтра снова кушать захочется.

– Так и снова кушать дай человеку, бабушка! Тебе жалко?!

Если Бог ты, бабушка, если взял ты на себя за всех такую ответственность, то хотя бы накорми людей досыта! Поля засей, реки налей, животных там всяких съедобных сделай

побольше! Не один творог на завтрак человеку давай, но хоть раз в неделю порадуй человека мороженым! Почему лето у него раз в году? День рождения раз в году? Новый год раз в году?! Почему арбуз даже, бабушка, раз в году! Ему жалко арбузов человечеству на зиму голодную?!

– Не хватало только Феди в советчики…

– Не хватало!

– Добрый он, бабушка?

– Кто?

– Бог-то твой?

– Добрый, Федя.

– Просто глухой и старенький, слепенький, память девичья?

– А?

– Как ты, бабушка?

– Что?

Ничего не слышит…

Ничего не видит…

До бабушки хоть допроситься можно. Попросишь раз один – промолчит. Попросишь второй – промолчит. Только на третий раз, как за рукав ее дернешь, спохватится:

– Что, Феденька?

…Вот и Бог, наверное, так же…

Может, и виднее Богу, да что-то уж очень несчастливых последнее время много развелось на земле. Как раньше у нас при царизме.

Точно, старенький Бог, как бабушка. А у Бога советчики все – министры подлые. Так и в сказках во всех получается. Докладывают Богу плохие сведения, что все хорошо, а он верит.

Соберет Бог на собрание злых министров своих. Ну, скажет, говорите, как дела на земле? Нет ли войн, бедствий стихийных, болезней каких? Все ли люди довольны? Все ли счастливы?

А министры все жирные, как у нас в телевизоре, удивительно даже мне, как такие толстые в «Юность» влезают?! Вот и начинают Богу докладывать: все хорошо сейчас на земле. Люди все довольные. Благодарят за все. Спасибо передают. А люди на земле в колокола бьют, до Бога через министров этих дозвониться не могут.

А Бог-то глухенький, старенький, как моя бабушка. Ей что ни скажи, она верит. Я вчера чашку разбил, она даже и не услышала.

«А что это, – говорит Бог министрам своим, – в колокола будто на земле бьют? Не пожар ли у них?»

«Да какой пожар, Господи! – крестятся подлые. – Это вас они прославляют!»

Вот и не знает Бог, как плохо людям на земле живется. Что не всем по справедливости достается, а только всем достается, и достается как следует…

– Ладно уж, я подумаю, бабушка…

– Что подумаешь, Федя?

– Может, и пойду после школы в Божьи советчики.

Из тетради Фединой: о мира создании

– А ты была маленькой, бабушка?

– Была, Федя, как же не была. Маленькой была да старенькой выросла.

– И мама была?

– И мама была.

– И папа был?

– И папа был.

Все были и умерли, кроме нас с бабушкой…

– И Бог был?

– А Бог, Федя, всегда есть. И сейчас в окошко на тебя смотрит, может быть: ешь ли кашу?

– Я ем кашу, ем!

– Ну и где ты ешь?

– Я по кругу ем ее, постепенно… Просто ждать приходится, сама видишь, пока каша в новый круг по тарелке распластится…

Бог терпел, нам велел, вот и я терплю, и ты, бабушка, потерпи!

Вот не нравится мне, что Бог все время за мной подсматривает. Выйдет бабушка, а все равно при нем кашу обратно в кастрюльку не переложишь. И задвигаю от него занавеску, чтобы бабушке или папе с мамой он на меня не жаловался.

А в обед и сам ничего Бог не видит. Тоже занавеску задвинул – туч согнал. Спать, наверное, лег. Под дождь всегда лучше спится. А мне – скучно.

– А ты порисуй пока, Федя, а там, бог даст, прояснится, погулять пойдем.

– Ладно уж, порисую.

Только не очень что-то у меня рисовать выходит, хотя и стараюсь я. Посмотрела бабушка рисунок мой и спрашивает: лошадка, что ли?

Ну какая лошадка, какая лошадка?! Разве у лошадок усы такие бывают? И хвост у лошадей всегда веником… Просто бабушка старенькая, ей глаза за стеклами велики. Ей сквозь стекла эти толстенные усов не видно. Каждый рисунок подписывать мне приходится, чтобы понятней.

ПУНЯ!

С подписями только бабушка, кто тут кто, узнает. Ничего, говорит, Феденька, сам Господь, когда маленький был, рисовать не очень умел…

Плохо сперва получалось у него. Вместо коров с лошадками – динозавры всякие хищные, не очень красивые…

Ничего себе «не очень» – страшенные! Видал я их, когда с папой в музей палеонтологический ходили. Драконы сущие! Я такому драконищу на один укус. Даже папе с таким бы не справиться…

Правду говорит бабушка. Совсем Бог вначале рисовать не умел. Каля-маля одни.

Трацетопсы да ихтиандоры…

– Федь, ты где?

– Где, где… под столом сижу, спрятался…

– От кого это, Федя, спрятался?

– От кого, от кого… от Бога.

– Что же ты натворил, что от Бога прятки?

– Камнем кинулся…

– В кого это кинулся?

– В кого, в кого?.. Ну, в него…

– Докинул?

– Докинул…

Полетел камень! Высоко полетел, прям сюда отрикошило рикошетом…

– Вылезай из-под стола-то, кидок, холодненьким приложу. Ох ты, шишка какая…

Еще бы! Не просто так-то кидал, не дурак же я. Далеко Бог засел. До окна школьного можно камень кулаком докинуть, а до неба докинуть – тут нужна конструкция целая.

Долго мастерил я эту конструкцию. «Богомет» называется. Поставил доску на три кирпича, на один конец снаряд-камень, до солнца лететь, где окно его. Бабушка «око» говорит небесное, но я думаю, окно это все-таки, просто как на корабле оно, круглое. Днем, если надоест Богу за мной подглядывать, занавеской дождливой день задвинет, а ночью – как вторые занавески у нас с бабушкой, поплотнее. На занавеске звезды. Окно это, точно вам говорю!

Положил я снаряд, вниз доска, как весы, опустилась. Тут и я! Да как прыгну на другой конец, камень высоко взлетел, вот сюда приземлился, где бабушка теперь холодную лапу куриную держать приложила.

– Много, Федь, людей в Бога камнями кидались, ни один не докинул. Бумеранги одни…

Знаю я, что такое бумеранг этот. Как тарелка пластмассовая летучая. Если правильно кидать научиться, в руки обратно прилететь должна. Но тарелка – это тарелка. А тут камнем по голове! Целый рог вырос, так разве можно?!

– Вот и слово плохое скажешь, Федь, и оно за тобой погонится. Дело плохое сделаешь – в левом кармане окажется. Посмотри-ка, что у тебя в левом кармане?

– А который левый мой карман, бабушка?

– С той руки карман левый у тебя, Федь, какой пол не метешь, посуду не моешь, ведра не выбросишь. С той руки, Федь, какая зубы не чистит.

– Я обеими руками вообще-то, бабушка, сегодня зубы не чистил…

В левом кармане у меня желудь раскушенный, горький, шелуха семечная, гвоздь ржавый, кремень…

– А в правом?

Шарик стеклянный маленький, из аквариума, три «театралки», ирис «Кис-кис», оловянный матросик.

– …Провожал, Федь, Создатель в жизнь человека. Как его отпустить такого? Голенький человек рождается, беспомощный, несмышленый, некому защитить… Думал-думал и дал новорожденному в сопровождение ангела именинного, по правую руку невидимым поставил хранителем. Светлого, Федь, как солнышко. Только… видишь, Федь, от кружки твоей тень на клеенку упала от лампочки? Так и от человека, в тело вошедшего, легла на сторону левую черная тень. Стал из той тени черт по левую сторону человека.

– А где она, бабушка, левая моя сторона? Подзабыл я что-то уже.

– По карманам, Федя, тогда ищи свою левую сторону.

– А у тебя где, бабушка, левый карман?

Только не оказалось на бабушке ни кармана левого, ни кармана правого. У нее по фартуку карман общий…

– Ну и как же тогда ты, бабушка, стороны различаешь?!

– …Хотел, Федь, Бог черта от человека отогнать, да отдумал. Если есть свет, так и темнота должна быть, для разницы, в смысле выбора…

Что тут выбирать, не понимаю я этого! Кто же выберет темноту?!

– И всю жизнь, Федя, ангел к себе человека зовет, а черт к себе тянет, за дела плохие человеку черт в левый карман камень черный кидает. А ангел за добрые дела в правый карман

белый камушек. И какими камнями, Федя, за жизнь карманы набьешь, те и высыплешь потом на весы…

И всегда «театралки» с «мишками», орешки, сухарики и монетки мне в правый карман кладет бабушка. А левый вытряхивает. Гвоздь ржавый мне нужен был… кремень тоже. И кремень вытряхнула. Пальто новое, сказала, карман булыжниками своими порвешь.

Вот Богу просто камнями-то в нас кидать, он сверху сидит. Как что ему не понравится, кидай – не хочу. Вниз не вверх кидать! Да еще у нас тут на земле эта, как ее там… гарвитация.

А вот была бы у камня душа…

– Есть, бабушка, у камня душа?

– У всего, что Бог создал, душа есть, Федь. У цветочка, у деревца…

– А у камня?

– И у камня есть. Один камень холодный, другой теплый, один серенький, другой беленький. Один кремень камень – искры высекать, другой – как мелком рисовать, сыпучий. Драгоценные камни есть, есть так, голыши. Как же нет, Федя, души у камня… есть душа…

Хорошо-хорошо! Отлично! Нужен камень тогда мне покрепче. Кремень.

Вылетит душа из кремня, искрой полетит к Богу, долетит, разобьет окошко. Проснется Бог бородат, в колпаке ночном, ноги с кровати высунет, оглянется кругом – одни осколки на полу от солнца разбитого… хрусть, хрусть…

Вденет Бог, чтобы не порезаться, ноги в тапочки. «Что такое? – закричит. – Что такое?!» Высунется в окошко разбитое, посмотрит вниз. А это Федя Булкин кремнем в солнце докинул и под столом спрятался. Но и через стол наверняка разглядит меня Бог. И пойдет к папе с мамой, жаловаться: что же вы так плохо сына своего воспитываете?! Он мне солнце, полюбуйтесь, разбил.

А это потому, дедуля, ответит папа, что мы ваш Город Небесный строим, а Федю нашего сейчас бабушка старенькая воспитывает, где же ей за ним доглядеть? Вот и растет хулиган непослушный. А вы вот лучше, чем сердиться, отпустите нас к нему, вниз. И даем вам честное слово вырастить из него человека. И мама такое слово тоже Богу даст. Уверен я, что теперь-то точно они уже обо мне соскучились.

Бог подумает-подумает да и скажет: что же, раз так, отпускаю вас. Только взамен я Федину бабушку тогда в Город Небесный жить заберу…

– Что ты плачешь, Федя, больно еще?

Да не больно мне! С Богом просто ее на папу с мамой менять не хочу, пусть всех отдает за так, это у меня в первый раз с камнем не получилось…

Из тетради Фединой: о хвостиках. Бедной дорогой

Приходила тетя с нижнего этажа. Предлагала лису нам с бабушкой, почти не ношенную, за копейки.

…За копейки лису! Совсем дешево!..

– Кем не ношенная, тетя, лиса твоя?

– Мной, детка…

Ну, во-первых, никакая не детка я, а во-вторых:

– А зачем носить ее? Сама не ходит она уже у тебя, что ли, старая?

– Почему же старая, мальчик? И зимы ее не носила.

– Бабушка…

– Федя, тихо!

– Ну возьмем, возьмем! Давай, бабушка… бабушка!!! Я и сам носить ее буду… если уж совсем она одряхлела…

– Что вы, что вы, Ириночка Николаевна, ну какая лиса? Сами знаете, без лисы-то концы с концами не сводим…

– …А ты похудей еще немножечко, бабушка! И сойдутся…

– Лучше Лидии Александровне предложите…

Хоть какая она, лиса? Посмотреть бы… хоть одним глазком бы взглянуть…

– Да что смотреть на нее? Только расстраиваться…

– Почему расстраиваться?

– Потому что. В зоопарке лучше на живую посмотрим.

– А та какая, бабушка? Что ли, дохлая?!

– Почему дохлая, Федь? Просто шуба.

– С кого, с лисы?

– Лисья, Федь.

Лисья шуба была, а ЭТА, с нижнего, сняла с лисы да еще за копейки бабушке ворованную и ношеную предлагает?!

– Бабушка?

– Ну что, Федь?

– Как же теперь зимой та лиса?

– Какая, Федя, лиса?

– Та… без шубы…

…или тоже, бабушка, как тогда?

Как с Хвостиками нашими было?..

* * *

– Ну возьмем давай, ну пожалуйста, бабушка!

– Не возьмем, Федя, ты их замучаешь.

– Не замучаю!

– Не замучаешь, так затискаешь.

– Не затискаю!

– Не затискаешь, так привыкнешь, как потом отдавать?

– Не привыкну я к ним никогда, бабушка! Христом Богом клянусь… ну возьмем…

Сжалилась над мной, бессердечная. Взяла на воспитание у Степана-крольчатника трех кроликов! Один серенький, с белым хвостиком, другой беленький, с черным хвостиком, третий черненький, серый хвост его. Так их и назвали мы с бабушкой. Хвостики.

Дал нам крольчатник за кроликов трех приданое, ящик специальный. Дверь в ящике сеточкой, на крючке. Просторный ящик, конечно, тесноват только. Не особенно в нем порезвишься. Посадил я на ящик сверху Царь-Зайца. За главного пусть сидит. Надзирает.

– Как позвать-то их, чтоб припрыгали?

Кыс-кыс-кыс…

– Ты им лучше, Федя, сходи три морковки из грядки вытяни. Под водой сполосни. В сетку сунь.

Исчезают в кроликах морковки хвосты, как не бывали. Даже палец чуть не исчез. Все равно им, что ли, что жевать? Грызуны!

На полянке выгуливаем Хвостиков наших, под солнышком, с бабушкой. Ах, какое солнышко! К голове блином припекает! А клевера тут у нас с бабушкой – хоть стадо кроличье приводи! Хвостик белый уши прижал, нахохлился. Ни туда ни сюда не сковырнешь его. Пересаживать только. Это, думает, смерть моя пришла, что меня на поляну высадили, может, за ушами меня она не заметит?

Хвостик серый – кролик лихой. Его я со всех ног караулю. А у бабушки уже ноги не те, за кроликами по поляне гоняться.

Черный хвостик жует да жует, лапами задними раз себя один вперед только сдвинул. Тут, мол, перед носом моим уже съедено, можно дальше теперь, на один клеверок.

– Карауль лучше этого, бабушка… этот далеко не упрыгнет.

Караул!!!

Ох и хитер оказался зверь! Вокруг носа провел нас с бабушкой… как рванет! Только хвостик в малине мелькает…

– Держи его, бабушка!

– Святые угодники…

– Вылезай! Вылезай, кому говорят?! Все равно мы тебя с бабушкой уже оцепили… Тото же. Смотри! Он теперь, что умер уже, притворяется. Ишь какущий! А морковку, смотрика, бабушка, и на том свете ест…

– Можно, бабушка, хоть этого спать возьму с собой?

– Царь-Зайца, Федя, возьми.

Растут как на дрожжах на капустном листе и клевере наши кролики. Узнают уже нас с бабушкой. Я-то больше всех Чернохвостого узнаю. Большой ценой нам обратно из малины цапучей достался.

Приходил проверять их крольчатник Степан, угрюмый человек, дегтем пахший. Два мешка травы принес. Что, у нас самих травы, что ли, мало? Везде трава! Жуй – не хочу…

Увидали его наши Хвостики, так и дернули в дальнюю стеночку, в глубину забились. В одну шапку сбились. Ушами прикрылись. Глазами косят. Только по хвостикам и разберешь теперь их, кто где.

Похвалил нас крольчатник. Ничего, сказал. Хорошо растут. Не паршивеньки. Толстые…

Низко небо висит, туман волочит. Затянуло тропинку лужами. Положили мы с бабушкой доску длинную поверх земли, как по мостику добираемся теперь до кроликов. Так и хлюпает под бабушкой доска, так и шлепает, того и гляди провалится бабушка в лужу. Грустное уже лето.

– Давай возьмем их в дом, бабушка. Вон они у нас с тобой как отсырели…

Ничего. Сдалась бабушка. Никуда бежать не нужно теперь до кроликов, хоть весь день у клетки сиди. И сижу, рисую с натуры фломастером. Один синий кролик, другой оранжевый, третий зеленый. Только по хвостикам и отличишь.

– А этот-то, Федя, почему без хвоста у тебя?

– Так белый хвост его! На белом листе не видно…

– Бабушка!

– Что, Федя?

– А давай их в Москву заберем к тебе, бабушка? Вот увидишь, веселее жить тебе будет…

– Да какое там веселье, Федя? Кто же кроликов в Москве держит?

– Ты подержишь, бабушка, я к тебе тогда каждый день буду, бабушка, ночевать!

– И не думай, Федь, даже. Да и не отдаст их Степан Николаевич. На лето подержать давал нам. Сам знаешь.

– Мало ли что я знаю! Ну давай…

– Без «давай» давай.

– Хоть их выкупим…

Но такое «нет» иногда бывает у бабушки, нет, и всё – безнадежно…

Ничего не осталось на память о лете счастливом кроличьем. Ничего, ничегошеньки. Никого. Лучше бы и не брали мы их совсем на воспитание. Были кролики, а теперь?!

– Говорила я, Федя, тебе…

– Мало ли что ты, бабушка, говорила…

Папа с мамой наши еще на БАМе своем у нас.

Вот стоим на остановке мы вдвоем с бабушкой. С чемоданами. Царь-Заяц за пазухой. Ждем автобуса. Вот-вот автобус за нами придет. Полчаса еще. Уезжаем…

Из тумана туман ползет, тишина капает, все о лете жалеет.

Из тумана бредет к колодцу крольчатник Степан.

– Ты, Лесеевна?

– Мы, Степан Николаевич…

– Уезжаете?

– Уезжаем…

– Огодите маленечко, я сейчас вам кое-что принесу.

И сжимается сердце кулачиком, пищит душа… Может, черненького моего он мне Хвостика принесет?

– Бери, бери, Лесевна, не отказывай, ну?! Обидишь…

Потушить что-то принес в бумаге он бабушке. Его дело.

– А это, мальчик, тебе – поиграться…

Хвостики! Три хвостика на веревочке! Один беленький, другой серенький, третий черный хвост.

Хорошие хвостики, как настоящие…

– Бабушка? Бабушка… Бабушка?! Что… что… бабушка? Не молчи…

И летит, летит сквозь туман автобус, подпрыгивает мимо поле. Расступают фары сумерки. Слезы сами, сами.

Никого не полюблю теперь больше, бабушка…

И ты меня, бабушка, не люби!

* * *

Я без всяких слез там, со всякими, по прошествии долгого времени могу теперь об Хвостиках наших с бабушкой так сказать.

Живи без хвоста!

Ни к чему нельзя привыкать, ни к кому, плохая очень привычка! Опасная.

Ковыряй в носу, но не привыкай, не втягивайся, потому что привыкаешь, пока не видит никто, а потом на мультик засмотришься и…

– Федя!

Хорошего в жизни мало. Примеров много.

Лета у нас три месяца. Зимы три месяца. Осени три месяца и весны. А на деле?! Лето нормальное, когда бабушка до того, как олень в речку пописает, разрешает купаться мне, месяц один, второй после первого, которые оба на «И». И специально на «И», чтобы все нормальные люди путали.

Осень начинается, когда бабушка припоминает стихотворение Пушкина «Уж небо осенью дышало…»: «Гусей крикливых караван тянулся к югу…»

Вот как вспомнит вслух бабушка это стихотворение – всё, пропало пиши. Никаких тебе, даже если…

Никого нельзя любить! Ни в кой случай! Это самая худшая из привычек.

Привыкнешь, например, что тумбочка тут стояла, забудешь, что бабушка ее передвинула, обопрешься в темноте и так грохнешься, что искры из глаз.

Привыкай, что умрешь. Иначе умирать придется от неожиданности. Лучше умирать буду я с чувством, что долг свой выполнил, потому что я заранее так и знал.

К хорошему привыкаешь быстро, отвыкать гораздо дольше приходился. К выходным привыкаешь за день один, а отвыкать потом в саду всю неделю.

– Очень ты привыкла ко мне, бабушка?

– Очень, Феденька.

– Вот совсем не можешь ты, бабушка, уже без меня?

– Совсем не могу.

– И некому тебе без меня будет мусор вынести… пол подмести, готовить будет тогда некому тебе без меня?

– Некому, Феденька.

– Так и будешь до самой старости со мной за ручку ходить, да, бабушка? А не дай бог, я вырасту, что тогда?

Вот что я скажу тебе, бабушка! Начинай-ка ты отвыкать от меня потихонечку. Привыкай справляться самостоятельно. Я не вечен.

Сам я чувствую, что тоже уж очень что-то привык, что бабушка…

Разлюблю ее. Это твердо решил уже.

В этом смысле только Царь-Зайца можно любить, только он и может в жизни служить человеку надежным спутником. У него если даже нос откусить, или хвост на нитке повис, или что, бабушка потом все на место пришьет. Только если не будет бабушки, если отучу ее как-нибудь я со временем от себя, некому будет Царьца заштопывать, значит?..

Значит, нужно учиться шить.

Из тетради Фединой: что я лучше под зонтиком пока похожу

Умерла Героида Степановна! Это бабушки старушка знакомая, на четвертом этаже в нашем доме жила, вот вчера еще они только с бабушкой говорили…

– И еще жива она была тогда, бабушка, да?

– Когда?

– Ну, когда вы с ней вчера говорили?..

– Что вчера сказала она тебе, бабушка, перед смертью? Раскаялась?

– В чем раскаялась, Федя, что ты?

– Ты сама говорила, бабушка…

– Что говорила?

– Ну, что перед смертью нужно раскаяться.

– В чем раскаяться?

– В жизни, бабушка… Или нет?

– Не раскаяться, Федь, покаяться…

– В чем покаялась она тебе? Что сказала?

– Ничего она не каялась мне, про погоду поговорили… Говорила, что лето сухое будет, наверное, что воду скоро отключат. Спрашивала, как кабачки я солю…

– Зачем, бабушка?..

– Что зачем?

– Ну, про кабачки-то… как ты солишь, она спрашивала?

– Засолить хотела.

– Это что же выходит, не знала она?

– Что не знала?

– Что умрет… раз про кабачки-то тебя спросила… Убили ее? Да, бабушка? Ограбили и зарезали, раз солить кабачки собиралась она, раз не знала?

– Почему убили? Своим чередом, слава богу, пошла. Ей, Федь, много лет уже было…

– Сколько много ей было лет, бабушка? Как тебе?

– Мне поменьше, Федь, на десяток…

– А десяток этот пройдет, и что?

– Что и что?

– …Тоже станешь ты, бабушка, в смертельной опасности?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.